

З. И. Годизова

Д. В. Габисова

ПРИЧАСТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Если в русском языке причастия исследованы довольно глубоко, то в осетинском языке система причастий, их грамматические признаки, специфика проявления в них глагольных грамматических категорий изучены недостаточно; отсутствуют специальные работы, посвященные причастиям. Определение отличительных особенностей осетинских причастий по сравнению с причастиями в русском языке является актуальным: представляется интересным сравнить особенности морфологической системы русского и осетинского языков, принадлежащих к единой индоевропейской семье языков и различающихся по степени преобладания элементов аналитизма в средствах выражения грамматических значений. Актуальность подобного сравнения обусловлена еще и тем, что в настоящее время происходит активное взаимодействие русского и осетинского языков в двуязычной среде, что не может не отражаться и на системе причастий. Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней специально исследуются причастия в осетинском языке как выразители значений зависимого таксиса по сравнению с русским языком; представлено все многообразие аспектуально-таксисных ситуаций в конструкциях с причастиями. Эти ситуации выделены с учетом как видового, так и лексического значения причастий, а также элементов аспектуального контекста. На основании проведенного анализа определено место осетинских причастий в функционально-семантическом поле зависимого таксиса, оно более периферийное по сравнению с причастиями в русском языке. Такой вывод можно сделать на основании гораздо меньшей регулярности осетинских причастий, меньшей их специализированности на выражении атрибутивной функции. Кроме того, значительный пласт осетинских причастий (причастия будущего времени, выражающие модальное значение целесообразности) лишен семантики реальности, поэтому определение таксисных значений для этих причастий вообще не представляется возможным. Проведенный анализ позволил также установить характерные особенности конструкций зависимого таксиса с причастиями в осетинском языке: 1) хронологические отношения между основным и второстепенным предикатами очень редко сопрягаются с отношениями обусловленности (причинно-следственными отношениями), между тем в русском языке это явление достаточно частое; 2) диапазон выражаемых причастиями таксисных значений в осетинском языке гораздо уже, чем в русском языке.

Ключевые слова: причастие, зависимый таксис, функционально-семантическое поле, аспектуально-таксисная ситуация, хронологические отношения, отношения мотивации.

Семантическая категория таксиса активно исследуется в последние десятилетия, хотя само это явление, обозначаемое несколько иначе, не является новым и часто было предметом внимания ученых [1, 489-490; 2, 139; 3, 463; 4, 105-167; 5, 157-312; 6, 180-200; 7, 100-109 и др.].

Термин таксис, а также понятия зависимого и независимого таксиса ввел Р. Якобсон: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту, но безотносительно к самому факту сообщения» [8, 100-101]. Якобсон охарактеризовал различия между таксисом и абсолют-

ным временем, а также между таксисом и относительным временем, тем самым четко разграничив категории времени и таксиса. Он подчеркивал также, что таксис не сводится к чисто хронологическим отношениям одновременности, предшествования и следования. Особое внимание он уделял соотношению сопутствующего действия с главным, то есть зависимому таксису.

Отношения, складывающиеся между семантической категорией таксиса и грамматическими категориями времени и вида, интересовали Ю. С. Маслова [9]. Таксисные значения он не отождествляет ни с темпоральными, ни с аспектуальными, а располагает их как бы между теми и другими. Однако он не умаляет тесной связи таксиса с видом и временем, так как таксисные значения возникают только как результат взаимодействия видовых форм. Маслов рассматривает таксис применительно к русскому языку в качестве грамматической категории, в других же языках ситуация может быть иной: таксис оказывается включен или в категорию времени, или в категорию вида.

Все три грамматические категории объединены общей идеей времени, преломляющейся в каждой из них несколько по-разному. Что касается таксиса, Маслов определяет его как категорию, характеризующую действие соотносительно с другим выступающим в данном высказывании или имплицитно подразумеваемым действием. К таксисным значениям он относит как хронологические соотношения (одновременность — предшествование — следование), а также соотношение второстепенного и главного действия (в русском языке такое соотношение представлено в конструкциях с деепричастиями [9, 41-42].

Содержание таксиса не сводится только к обозначению временных соотношений между действиями («порядка» действий), на самом деле таксис имеет и другие функции и характеризуется более сложной семантикой.

В исследовании категории таксиса значительный вклад внес А. В. Бондарко, который определяет его следующим образом: «Таксис трактуется нами как выраженное в высказывании значение временного отношения (отношения во времени) между действиями (в широком смысле слова, включая любые репрезентации предикатов) в составе предикативного комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего). Семантика таксиса включает такие отношения во времени, как а) одновременность, предшествование и следование (собственно хронологические связи), б) связь во времени основного и сопутствующего действий (при возможной неактуализированности указанных выше хронологических отношений), в) связь действий во времени в сочетании с причинными, условными, уступительными, пояснительными, модальными отношениями и т.п.» [10, 5].

Бондарко вводит существенное дополнение в учение о таксисе — единство временного плана (прошлого, настоящего или будущего), необходимое для квалификации временных отношений в качестве таксисных. Такое ограничение обусловлено тем, что для оценки временных соотношений между действиями необходима целостная и гомогенная «временная рамка», в границах которой рассматриваются такие связи во времени. Такая временная рамка дает основание для внутренних временных

отношений. Вторым необходимым условием, соблюдение которого позволяет оценивать временные соотношения в качестве таксисных, является соотношение действий, однотипных в отношении конкретности / абстрактности, т.е. соотносимые действия должны быть либо единичными, либо повторяющимися, либо постоянными.

Как известно, по конкретности / абстрактности (или локализованности / нелокализованности) действия подразделяются на актуальные (конкретные, единичные), узувальные (обычные, повторяющиеся) и обобщенные (постоянные) [11, 210-230]. Если действия однородны с точки зрения конкретности / абстрактности, между ними возникают отчетливые временные отношения; если же действия разнородны, то актуализируются не временные отношения между ними, а иные логические отношения, что свидетельствует о наличии сложной контрастной ситуации, в рамках которой объединены разнородные по локализованности / нелокализованности действия [11, 212]. Оба эти условия (единство временного плана и тождество действий по степени конкретности / абстрактности) составляют целостность временного периода.

Бондарко детально исследует и вопрос о соотношении таксиса с относительным временем, подчеркивая, что таксис, хотя и пересекается с относительным временем, но не совпадает с ним. Различие между ними обусловлено тем, что при относительном времени актуально установление временной семантики для одной формы, при таксисе же — по крайней мере для двух. Кроме хронологических отношений, таксис включает в себя и отношения обусловленности, не обязательно присутствующие,

но возможные между предикатами, а также отношения, возникающие в конструкциях с деепричастиями и причастиями между основным и сопутствующим действиями [11, 7]. Придерживаясь подчеркнуто синтаксической точки зрения на таксис (и с точки зрения синтаксической формы, и с точки зрения семантики), Бондарко выделяет такие возможные типы взаимоотношений таксиса и относительного времени: относительное время, но не таксис (при несоблюдении целостности временного периода); таксис, но не относительное время в случае наличия самостоятельной временной ориентации на момент речи у каждого действия в составе высказывания (например, он приводит такой пример: «Да, я с ней сидел все время, пока вы с Катериной Сергеевной играли на фортепиано»); таксис и относительное время [11, 7].

Представляя таксис как функционально-семантическое поле, Бондарко выделяет в нем две разновидности — ФСП независимого таксиса и ФСП зависимого таксиса [11, 7].

Компоненты центра и периферии поля таксиса определены с учетом двух критериев: наибольшая предназначенность того или иного языкового элемента для выражения рассматриваемой функции, а также регулярность функционирования языковой единицы в этом значении [12, 71].

Поскольку таксис не основывается на грамматической категории, а включает совокупность разнородных языковых средств, он определяется Бондарко как поле слабо центрированное [12, 8].

В центре зависимого таксиса оказываются конструкции с деепричастиями, на периферии — конструкции с причастиями и предложно-падежные

конструкции (типа *при переходе через дорогу, при рассмотрении этого вопроса* в сочетании с основным предикатом) [12, 9].

Оценивая причастные конструкции, в которых также представлена градация основного и сопутствующего действий, Бондарко несколько умаляет, на наш взгляд, степень их глагольности сравнительно с деепричастными конструкциями, мотивируя это тем, что в них вторичная предикация осложнена атрибутивными отношениями. Атрибутивные отношения ослабляют связь основного и второстепенного действия.

Напомним, что и в конструкциях с личными формами глагола не всегда возникают временные соотношения между предикатами, соответствующие таксисным, так как и в этих конструкциях может отсутствовать целостность временного периода. Поэтому вряд ли можно в такой степени отказывать причастиям в актуальности выражения для них таксисных значений.

Несмотря на регулярность употребления причастий в русском языке, Бондарко считает их слабо контактирующими с деепричастными, а предложно-падежные конструкции, которые не являются достаточно регулярными в русском языке, он оценивает как более близкие к деепричастным по сфере функционирования [12, 10-11].

Бондарко не придает таксису статуса грамматической категории, так как в этом случае отсутствует необходимое условие, позволяющее трактовать какое-либо языковое явление в качестве такового: наличие оппозиции по крайней мере двух граммем [12, 14].

В исследовании таксиса Бондарко выделяет два возможных подхода: 1) определение структуры поля такси-

са, 2) выявление и описание конкретных типов таксисных соотношений между предикатами в конструкциях определенного типа. Исследования второго плана невозможны без понятия таксисной ситуации, которая определяется им как «типичная содержательная структура, представляющая собой тот аспект передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации, который связан с функцией выражения временных отношений (отношений во времени) между действиями в составе предикативного комплекса, элементы которого относятся к одному и тому же временному плану (прошлого, настоящего или будущего)» [12, 14].

В настоящее время продолжает оставаться актуальным изучение различных аспектов семантической категории таксиса, особенно в сопоставительном плане на материале нескольких языков.

Разнообразные типы хронологических отношений, возникающих в конструкциях с причастиями, достаточно подробно описаны в русском языке (например: [13; 14]).

Структура функционально-семантического поля таксиса в осетинском языке рассматривалась нами в более ранней работе, где было установлено, что в осетинском языке представлен и независимый, и зависимый таксис [15]. Некоторые отличия были выявлены в структуре функционально-семантического поля зависимого таксиса [15]. В частности, к периферии зависимого таксиса относятся, на наш взгляд, наряду с причастиями (как это происходит и в русском языке) конструкции с инфинитивом (что для русского языка уже не характерно). Что касается пред-

ложно-падежных конструкций, выполняющих в сочетании с предикатом таксисные функции, то для осетинского языка они совершенно не характерны [15, 72-76].

Причастия в осетинском языке, таким образом, тоже находятся на периферии зависимого таксиса, но эта периферия значительно более отдаленная от центра, поскольку осетинские причастия не идут ни в какое сравнение с русскими по степени употребительности; кроме того, для них нехарактерна атрибутивная функция, а только атрибутивные причастия могут выступать в качестве второстепенного предиката.

В современном осетинском языке выделяют несколько разрядов причастий [16]. Рассмотрим аспектуально-таксисные ситуации, возможные для каждого из указанных разрядов причастий в осетинском языке.

Причастия на *-д / -т* по своим особенностям соответствуют русским страдательным причастиям совершенного вида. В процессе функционирования во взаимодействии с основным предикатом чаще всего возникают отношения нестрогого предшествования, реже — отношения частичной одновременности. Эти причастия очень результативны, за счет чего и возникает их двойственная (перфектная) временная семантика: действие — в прошлом, а результат этого действия — в настоящем. Подобная перфектная семантика и не позволяет четко квалифицировать таксисные отношения, поэтому грань между значением нестрогого предшествования и частичной одновременностью очень подвижна, часто весьма условна, порой только контекст может подсказать, что из этих двух значений актуальнее, например:

«Акимы къухы **ферттывт**та Авдакейы **конд** фæтæн сау хъама, æмæ дыууæ æндон цыргъ карды дзуарæвæрдæй кæрæдзуыл сæмбæлдысты» [17, 73]. — «В руках Акима **блеснула** **сделанная** Авдакеем широкая сабля, и два острых ножа сошлись перекрестно друг с другом».

«— Ахæм хъæлдзæг чындзæхсæв паддзахы галуаны дæр никуыма уыди, — **бахудти** **скъæфт** чызг» [17, 121]. — «Такой веселой свадьбы не было даже во дворце богача, — **засмеялась украденная** девушка».

Отношения строгого предшествования и псевдоодновременности представлены очень редко. Например, в приведенном ниже примере отношения псевдоодновременности конкретизируются как отношения тождества, т.е. причастное действие и действие, обозначенное основным предикатом, обозначают фактически одно и то же действие: «...Сæ ингæныл та **фæзынд** диссаджы цырт, чъыр æмæ дурæй **амад**, рæсугъд галуан йæ алыварс, **афтæмæй**» [18, 13]. — «А на могиле их **появился** необыкновенный памятник, **построенный** из извести и камня, с красивым ограждением вокруг».

Что касается отношений следования, одномоментной одновременности, неопределенно-временных отношений, они для указанного разряда причастий вообще не характерны.

Конструкции с причастиями на *-æг* соответствуют русским действительным причастиям НСВ (настоящего времени) и СВ (прошедшего времени). В конструкциях с этими причастиями в осетинском языке возможны отношения частичной одновременности чаще при соотношении глагольных форм, относящихся к разным видам, реже —

если обе глагольные формы имеют значение несовершенного вида, например: «Йае сар нае сиса, дуары хъыс-хъыс куы ссыд амае таессонд хъаедын асинтыл аенауынаеаей тыргътаей саудараеаг ус куы аерхызт, уаеае даер» [19, 207]. — «Не поднял головы, когда скрипнула дверь и тихо спустилась по лестнице **носящая траур** женщина»; «Теде йае фыл-даер раеаеаг аервыста кафеаг фaesивae-ды аехсаеа» [17, 32]. — «Теде **большую часть своего времени проводил** среди танцующей молодежи».

Если обе глагольные формы относятся к несовершенному виду и действия совпадают на всем своем протяжении, то возможны и отношения полной одновременности в составе предикативного комплекса с причастиями на -аеа, например: «Сае урс сартыл схaeуыдысты амае кафеаг адааммае джихаей каастысты» [17, 57]. — «Подняли свои седые головы и удивленно **смотрели на танцующих** людей».

Отношения полной одновременноности возможны иногда при сочетании разнородных форм, например: «Уаеаей нырмае да агургае каены, — **фехъуыста** Темла Уардисы **уайдзеафгаеаг хъалас**» [20, 105]. — «Я ищу тебя целую вечность, — **улышала** Темла **упрекающий** голос Уардис».

В случае если перфективированное причастие на -аеа выражает значение совершенного вида и обозначает действие, предшествующее действию основного предиката, представленного глаголами как совершенного, так и несовершенного вида, возникают отношения разновременности (чаще — строгого предшествования, реже — не строгого предшествования), например: «Агуырдаей са **ирваезынгаеаг лаеа** амае лаептуы, фaeлае уыдонаеа са фaeд

даер нал разынд» [17, 185]. — «**Искали спасшего** их мужчину и мальчика, однако и след их простыл».

В конструкциях с причастиями на -аеа встречаются отношения псевдоодновременности (причастие на -аеа выражает более конкретное действие, а более обобщенное действие обозначено основным предикатом), например: «**Лаеагадгаеаг** дыууае чызджы йын йае бындзытае **асур-асур кодтой**» [17, 335]. — «**Прислуживающие** две девушки **отгоняли** мух от него» (более общее действие — *прислуживающие*, более конкретное — *отгоняли*. — Авт.).

Отношения следования и неопределенно-временные отношения не представлены совсем.

Для причастий на -гае чаще характерен такой набор грамматических значений: несовершенный вид, действительный залог, настоящее время, реже — совершенный вид, действительный залог, прошедшее время. В конструкциях зависимого таксиса с причастиями на -гае наиболее часто представлены отношения одновременности с действием основного предиката (полной — при соотношении однородных по виду форм, частичной — при сочетании разнородных форм). Отношения полной и частичной одновременности одинаково характерны.

Полная одновременность возможна между глагольными формами несовершенного вида, которые совпадают на всем своем протяжении: « — **Каеа, мыййаа, къуытты у, — уаердонджыны ехсы бырынкъаей аерраехуыстытаеаеагаеа, фaeаеагъы хъуынджынхуаеааеа абыраеа амае йе мбаеаааеа **пырпыргаеагаеа** цаеааеагаеаей **раеаерфы****» [17, 220]. — «Может быть, он глухонемой, — говорил разбойник в мохнатой шапке, уда-

ряя хозяина арбы своим кнутом, и **бросает** на своих товарищей **смеющийся** взгляд».

Отношения частичной одновременности возникают в том случае, если один из предикатов (как правило, основной) обозначает более кратковременное действие: «*Маѳраѳм сѳгуытау асѳрраѳтт ласта, судзгѳ хсидав раскѳѳѳта ѳмаѳ ѳѳ фѳдисон маѳкѳуылыл бадардта*» [17, 89]. — «Майрам отскочил, как олененок, **выхватил горящий** уголек и поджег копну сена, подавая знак об опасности».

Отношения разновременности (строгой) с действием основного предиката в конструкциях с причастиями на *-гѳ* встречаются редко. Отношения строгого предшествования возникают в том случае, если причастие имеет значение несовершенного вида, а основной глагол — совершенного вида. В контексте часто имеются лексические показатели, относящие причастное действие к более раннему временному плану: «Чи зоны, дыууѳ хѳуыдыйѳ иу дѳр раст нѳу, фѳлѳ **раздѳры нѳргѳ** хѳѳу **ѳдзѳрѳгѳѳ** кѳѳ **баззад**, уый бѳлвырд у» [18, 8]. — «Кто знает, может быть, из двух мыслей ни одна не истинна, но верно одно, что **прежде гремящее** село **пришло в упадок**».

Если не представляется возможным четко отделить конец предшествующего действия от начала последующего действия, временные отношения между глагольными формами можно интерпретировать как отношения нестрогого предшествования: «*Нал ис хуры хѳарм, хуры тынты рухс, чызджы хѳѳлдзѳг мидбылхудт? Уѳлѳ арвы риуыл цы **таѳхгѳ** стѳалы **ѳхуыссыд**, уыйѳу алицыдѳр бамынаѳг, атар, фѳсѳѳт?*» [19, 114] — «Нет уже солнечного тепла, солнеч-

ного света, веселой девичьей улыбки? Подобно тому, как на небосводе **погасла летящая** звезда, все померкло, потускнело, исчезло?»

Отношения псевдоодновременности и неопределенно-временные отношения также представлены незначительно, например: «Дзотѳ, зѳронды **ризгѳ** хѳѳлѳсѳѳ, ныллѳг-ныллѳг **систа** зарѳг» [20, 96]. — «Дзота старческим **дрожащим** голосом низко-низко **затянул** песню»; «Байрѳзт Тохти, адѳмы ѳхсѳнмѳ цѳуын байдыдта, **зѳрдѳмаѳдзѳугѳ** куыст **ссардта** — шофырты курсытѳ фѳѳи каст ѳмѳ нырбинонты дары, хѳдзѳрмѳ зилы» [19, 86]. — «Подрост Тохти, стал общаться с людьми, **нашел** работу по сердцу (букв.: *нравящуюся сердцу*. — Авт.) — окончил шоферские курсы и сейчас кормит семью, ухаживает за домом».

Причастия будущего времени составляют яркую особенность осетинского языка по сравнению с русским. Интересно, что эти причастия выражают модальное значение — целесообразности, они обозначают действия, которые было бы целесообразно осуществить. Выражение же временной семантики для них совершенно неактуально, так как нереальные действия никак не ориентированы во времени. Соответственно, и исследование таксисных отношений в конструкциях с причастиями будущего времени не актуально.

Причастия на *-он* очень нерегулярны, что не позволяет адекватно описать выражаемые ими таксисные отношения.

Таким образом, на основе анализа аспектуально-таксисных ситуаций в конструкциях зависимого таксиса с причастиями в осетинском языке можно выделить такие особенности зависимого таксиса с причастиями.

Таксисные отношения между основным и второстепенным предикатами в конструкциях с причастиями в осетинском языке проявляются только как хронологические отношения, между тем в русском языке часто представлены отношения обусловленности между предикатами (причинно-следственные отношения).

Другая особенность конструкций зависимого таксиса с осетинскими причастиями заключается в том, что диапазон выражаемых ими таксисных значений существенно уже, чем у причастий в русском языке (незначительно отношения псевдоодновременности и неопределенно-временные отношения в рамках недифференцированных временных отношений; отношения следования причастного действия по отношению к действию основного предиката не встретились совсем).

Выражение хронологических отношений, выходящих за рамки таксисных, между тем встречается довольно часто. Такие отношения возникают в двух случаях: 1) если глагольные формы относятся к разным временным планам (например, в конструкциях с причастиями на *-д / -т* основной глагол относится к плану настоящего или бу-

дущего, в то время как причастие — к плану прошедшего); 2) если действия различаются с точки зрения конкретности / абстрактности (например, основной предикат обозначает действие либо повторяющееся, либо постоянное, а причастие — действие конкретное, единичное; или повторяющееся или постоянное действие может обозначаться причастием (кроме причастий на *-д / -т*), а основной предикат выражает единичное действие; более редкий тип представлен в том случае, если причастие обозначает действие постоянное, а основной предикат — повторяющееся действие).

Таким образом, в осетинском языке причастия занимают более периферийное положение в функционально-семантическом поле зависимого таксиса по сравнению с причастиями в русском языке. Степень употребительности причастий в осетинском языке не идет ни в какое сравнение с причастиями в русском языке. Они в большей степени предикативны, атрибутивная функция для них не характерна. Для некоторых разрядов осетинских причастий (для причастий будущего времени) выражение таксисных значений вообще не представляется актуальным.

-
1. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
 2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
 3. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
 4. Koschmieder E. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. Rozprawy i materiały wydziału I. Towarzystwa przyjaciół nauk w. Wilnie. Wilno, 1934. T. V. С. 197-198.
 5. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 157-312.

6. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
7. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 95-114.
9. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций. Л., 1983. С. 41-54.
10. О таксисе (на материале русского языка) // Zeitschrift fur Slavistik. 1985. Bd. 30. № 1. Рр. 3-16.
11. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. М., 2003.
12. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001.
13. Годизова З. И. Видовременные значения причастий совершенного вида: Дисс....канд. филол. наук. Л., 1992.
14. Вальсова А. П. Типы таксисных отношений в современном русском языке: (на материале причастных конструкций): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
15. Годизова З. И. Семантическая категория таксиса в русском и осетинском языках // Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». Владикавказ, 2001. С. 72-76.
16. Габисова Д. В. Грамматические особенности причастий в современном осетинском языке (в сопоставлении с русским языком) // Вестник СОГУ. 2012. № 1. С. 269-277.
17. Хъайтыхъты А. Азæмæты таурæгътæ / А. Кайтуков. Сказания. Дзæуджыхъæу, 2004. (на осет. яз.)
18. Дзасохты М. Дæллаг Ир. Дзæуджыхъæу, 2007. (на осет. яз.)
19. Мæрзойты Сергей. Хъысмæт: Уацаутæ. Дзæуджыхъæу, 2000. (на осет. яз.)
20. Нафи. Фыдæлты туг. Дзæуджыхъæу, 2010. (на осет. яз.)

Godizova, Zara I. — K. L. Khetagurov North Ossetian State University; godizovazi@rambler.ru

Gabisova, Dzerassa V. — Vladikavkaz Institute of Management; dove74@mail.ru

PARTICIPLES AS ELEMENTS OF DEPENDENT TAXIS IN THE OSSETIAN LANGUAGE IN COMPARISON WITH RUSSIAN.

Keywords: *participle, dependent taxis, functional-semantic field, aspect-taxis situations, temporal relationship, motivation relationship.*

The system of participles in the Ossetian language has not been yet comprehensively investigated. There are no special works where the categories of participles, their grammatical characteristics, their grammatical categories of aspect, tense or mood have been subjected to thorough analysis. The identification of all distinctive features of Ossetian participles in comparison with the system of the ones in the Russian language is relevant for the given article. This is due to the fact that, firstly, the Russian and the Ossetian languages belong to different groups within a single Indo-European language family and differ

in the degree of predominance of elements of analyticism in the expression of grammatical meanings; secondly, in the conditions of Ossetian-Russian bilingualism there is active interaction of the Russian and Ossetian languages, which is obviously reflected in the system of participles. The scientific novelty of the research is based on the description of all the variety of aspect-taxis situations in the constructions of dependent taxis with participles in the Ossetian language in comparison with Russian. The aspect and lexical meaning of the participial forms are taken into account, and the place of Ossetian participles in the functional semantic field of taxis is identified. The analysis revealed that the participle, being the exponent of the meanings of the dependent taxis, belongs to the more distant periphery of the functional-semantic field of the dependent taxis in Ossetian as compared to the participle in Russian. This is due to the fact that they are much less regular, less specialized in the expression of the attributive function. The expression of taxis meanings for future participles expressing the modality of expediency seems not to be significant at all. The characteristic features of the constructions of dependent taxis with participles in Ossetian are determined: chronological relations between the participial action and the action of the main predicate are rarely complicated by the relations of causation, i.e. by cause-effect relationships, meanwhile, this phenomenon is quite frequent in Russian; the spectrum of taxis meanings expressed by participles is narrower in Ossetian than in Russian.

REFERENCES

1. Shakhmatov, A. A. *Ocherk sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Essay on modern Russian literary language]. Moscow, Uchpedgiz, 1941. 286 p.
2. Peshkovsky, A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. 544 p.
3. Vinogradov, V. V. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language: (Grammar studies of the word)]. Moscow, Vysshaya shkola, 1972. 600 p.
4. Koschmieder, E. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. Rozprawy i materiały wydziału I. Towarzystwa przyjaciół nauk w. Wilnie* [Essay science of the Polish species of the verb]. Wilno, 1934, vol. V, pp. 197-198.
5. Maslov, Yu. S. *Glagol'nyi vid v sovremennom bolgarskom literaturnom yazyke* [Aspect in modern Bulgarian literary language]. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Issues of grammar of the Bulgarian literary language]. Moscow, Academy of Sciences of USSR, 1959, pp. 157-312.
6. Bondarko, A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of the Russian verb]. Moscow, Prosveshchenie, 1971. 239 p.
7. Shelyakin, M. A. *Kategoriya vida i sposoby deystviya russkogo glagola* [The category of aspect and methods of action of the Russian verb]. Tallin, Valgus, 1983. 216 p.
8. Jakobson, R. O. *Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol* [Shifters, verbal categories and Russian verbs]. *Principy tipologicheskogo analiza yazykov raznogo stroya* [The principles of the typological analysis of languages of different order]. Moscow, 1972, pp. 95-114.
9. Maslov, Yu. S. *Rezultativ, perfekt i glagol'nyi vid* [Resultative, perfect and aspect]. *Tipologiya rezultativnykh konstruktsiy* [Typology of resultative constructions]. Leningrad, 1983, pp. 41-54.
10. Bondarko, A. V. *O taksise (na materiale russkogo yazyka)* [About taxis (on the material of the Russian language)]. *Zeitschrift fur Slavistik*. 1985, bd. 30, no. 1, p. 3-16.
11. Bondarko, A. V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taxis* [The theory of functional grammar. Category of Aspect. Temporary localization. Taxis]. Moscow, URSS Editorial, 2003. 352 p.

12. Bondarko, A. V. *Osnovy funkcional'noy grammatiki. Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni* [The basics of functional grammar. Linguistic interpretation of the idea of time]. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2001. 260 p.

13. Godizova, Z. I. *Vidovremennye znacheniya prichastiy sovershennogo vida* [The tense-aspect meanings of the perfective participles]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Leningrad, 1992. 168 p.

14. Vyalsova, A. P. *Tipy taksisnyh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke: (na materiale prichastnykh konstruktsiy)* [Types of taxis relations in modern Russian language: (on the material of the participial constructions)]. Thesis abstract of the candidate dissertation (in Philology). Moscow, 2008. 25 p.

15. Godizova, Z. I. *Semanticheskaya kategoriya taksisa v russkom i osetinskom yazykah* [The semantic category of taxis in Russian and Ossetian languages]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Russkiy yazyk i yazyki narodov Rossii: funkcional'noe i strukturnoe vzaimodeystvie»* [Materials of the International Scientific and Practical Conference «Russian and the languages of the people of Russia: functional and structural interaction»]. Vladikavkaz, 2001, pp. 72-76.

16. Gabisova, D. V. *Grammaticheskie osobennosti prichastiy v sovremennom osetinskom yazyke (v sopostavlenii s russkim yazykom)* [Grammatical peculiarities of participles in modern Ossetian language (in comparison with the Russian language)]. *Vestnik SOGU* [Bulletin of the North Ossetian State University]. 2012, no. 1, pp. 269-277.

17. H"aytyh"ty, A. *Azæmæty tauræg"tæ* [Tales of Azamat]. A. Kaytukov. *Skazaniya* [A. Kaytukov. Tales]. Dzæudzhyhæu, Ir, 2004. 360 p. (in Ossetian)

18. Dzasokhty, M. *Dællag Ir* [lower Ir]. Dzæudzhyhæu, Ir, 2007. 487 p. (in Ossetian)

19. Mærzoyty, Sergey. *H"ysmæt* [Fate]: Uacautæ. Dzæudzhyhæu. Ir, 2000. 392 p. (in Ossetian)

20. Nafi. *Fydæltu tug* [The blood of ancestors]. Dzæudzhyhæu, Ir, 2010. 223 p. (in Ossetian)